

ПТУШКІ І МЫ

№9
2006











Здымкі Паўла ПІНЧУКА (Мінск)



Канстанцін Тызенгаўз (1786–1853)

220 гадоў таму ў мястэчку Жалудок, што на Гродзеншчыне, нарадзіўся Канстанцін Тызенгаўз, а крыху пазней у Паставах у яго палацы быў створаны цэлы заалагічны музей...

У лютым 2007 года споўнілася б 87 гадоў галоўнаму арнітолагу Беларусі XX стагоддзя Міхаілу Сцяпанавічу Долбіку...

Паміж гэтымі імёнамі – гісторыя арніталогіі Беларусі. Многія і многія людзі, шматлікія экспедыцыі, знаходкі, адкрыцці...

Менавіта таму, што былі яны, вывучэнне птушак Бацькаўшчыны працягваецца і будзе працягвацца... Будуць з'яўляцца новыя дзіцячыя казкі пра птушку года, малюнкі і фатаздымкі, будуць працаваць студэнцкія летнікі і выдавацца новыя кнігі і фільмы...

Толькі дзейнасць чалавека часта ідзе не па прыродных законах. Усім зразумела, што аднаго вывучэння прыроды ў сённяшні час не хопіць для таго, каб нашчадкам засталося птушынае харастство і разнастайнасць.

Але ж здаецца, чым больш пагроза знікнення, тым больш людзей катэгарычна не згаджаецца з такім становішчам. У гэтым наша надзея. І аб гэтым наш часопіс. Разам для птушак і людзей...

Ігар Бышнёў

Рэдактар: Ігар Бышнёў

Рэдакцыйная рада:
Уладзімір Іваноўскі, Аляксандр Вінчэўскі, Віктар Фянчук, Сяргей Зуёнак, Сяргей Плыткевіч, Павел Пінчук

Пераклад на англійскую мову: Андрэй Лабанаў

Малюнкі: Ігар Бышнёў

Распаўсюджваецца бясплатна сярод сяброў АПБ

Наш адрас:
АПБ, а/с 306, Мінск-50, 220050, Беларусь
Тэл.: (017) 263 01 30. Факс (017) 263 06 13
E-mail:APB@tut.by. http://apb.iatp.by





Дзейнасць АПБ падтрымліваецца Каралеўскім Таварыствам Абароны Птушак (RSPB), партнёрам BirdLife International у Вялікабрытаніі

АПБ з'яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі

ЗМЕСТ

ПТУШКІ І МЫ
№9'2006



На здымку: **АРЛАН-БЕЛАХВОСТ**
Заказнік «Красны Бор»
(фота І. Бышнёва)



















1998–2006. «Ахове птушак Бацькаўшчыны» (АПБ) – 9 лет, и я в АПБ 9 лет. За это время в Беларуси из орнитологического общества выросла новая общественная природоохранная организация. АПБ стала первой экологической негосударственной организацией в стране со штатом более 10 человек, со своей стратегией развития, которая сейчас по уровню поставленных задач скорее похожа на документ Минприроды, чем НГО.

Три сотрудника в 1998 году и 12 – в 2006-м. Наш бюджет сильно не увеличился, но, к сожалению, условия работы общественных организаций в стране за это время, в особенности с 2001 года, после появления необходимости регистрации грантов, сильно ухудшились. Наши коллеги из стран СНГ до сих пор не верят нам, что такое возможно. А АПБ за это время успешно прошла три обязательных перерегистрации, две из которых затронули и ее название.

Недавно директора корпорации Форд спросили, почему они иногда работают в воскресенье, на что он с гордостью ответил: «Потому что мы любим свое дело». Кто не любит птиц? Кто не хотел бы сохранить для своих потомков как можно больше этих прекрасных божьих созданий изумрудной белорусской природы? Какая коммерческая или государственная компания может предложить хоть долечку того морального удовлетворения своей деятельностью и ее общественно полезными результатами, которое получают сотрудники или волонтеры АПБ?

Именно поэтому из одной, национальной, Аховы птушак я сегодня ухожу в другую, глобальную, Ахову птушак. Я надеюсь, что смогу передать организацию в надежные крепкие руки нового директора, который приумножит теперешние достижения АПБ. На новом посту в качестве координатора программы BirdLife в Восточной Европе (Турция, бывшая Югославия и европейская часть бывшего СССР) я не потеряю связи с АПБ, а надеюсь и дальше распространять ее успешный опыт по зарубежью и, наоборот, привозить сюда наилучший опыт из зарубежья. Приняв это непростое для себя и своей семьи решение, я учитывал, что за рубежом, где больше исчезающих видов, чем в Беларуси, смогу принести больше пользы для сохранения дикой природы.

Объездив по птичьим делам почти полсвета и познакомившись с работой десятков партнерских организаций Европы, Азии, Африки и Америки, я заметил, что успешные НГО успешны по одной причине, а неуспешные неудачны опять же, главным образом, по одной причине. В последнем случае эта причина – конфликт: директор-председатель/совет, а в первом – его отсутствие. Я очень благодарен, что и первым президентом АПБ Михаилом Никифоровым и первым председателем АПБ Владимиром Ивановским, всеми составами Центрального совета АПБ мне всегда оказывалось высочайшее доверие и выдавался своеобразный карт-бланш на деятельность по выполнению стратегии организации. Съезды и особенно советы строго подходили к оценке моей деятельности как руководителя офиса, но я рад, что ни разу не подвел организацию.

Хотелось бы поблагодарить специалистов АПБ, которые, несмотря порой на цейтнот и нехватку других ресурсов, вовремя и на высоком уровне выполняли поставленные задачи. АПБ даже стала в некотором роде поставщиком кадров для Представительства ООН в Беларуси, а сейчас и для BirdLife International. К сожалению, члены АПБ редко встречаются с сотрудниками секретариата. И, воспользовавшись возможностью, я хотел бы представить здесь бывших и теперешних сотрудников организации, усилиями которых мы и стали национальными «чемпионами» среди общественных организаций по охране природы. Большей частью своих сегодняшних достижений АПБ обязана моим коллегам с первого дня появления секретариата организации, который мы в шутку тогда называли директоратом: научному директору Александру Козулину и директору по развитию и связям с общественностью Игорю Бышневу. Четвертым сотрудником АПБ стал Максим Вергейчик, менеджер первого Дарвиновского проекта. Максим из АПБ ушел в систему ООН и сейчас работает в Болгарии. В этом году мы приступаем к выполнению проекта по созданию учебного пособия по биоразнообразию Беларуси для школ, заявку для которого составлял Максим. Дмитрий Голубовский координировал выполнение второго Дарвиновского проекта и, перейдя на работу в ООН, передал эти функции Ольге Степанюк. В 2005 году проект закончился, и сейчас Ольга является финансовым администратором нового проекта ПРООН-ГЭФ по восстановлению торфяников, инициированного АПБ. Ольгу заменил Евгений Лобанов, биолог, выпускник БГУ, направленный к нам по распределению. Главный бухгалтер Анна Колесникова еще, наверное, помнит, как в 1999 году мы месяцами безуспешно пытались получить злосчастный УНН. Сейчас Анна – крупнейший в Беларуси специалист по бухучету НГО и регистрации проектов, с которым консультируются иногда даже министерские чиновники. Трудно представить сейчас АПБ без нее. Секретарь, а впоследствии сотрудник по природоохранным вопросам Любовь Вергейчик сейчас в Болгарии вместе с Максимом. Сергей Зуёнок работает нынче на посту природоохранного сотрудника, хотя начинал специалистом по кампаниям. Благодаря его незаурядным литературным способностям пресс-релизы АПБ высоко котировались среди журналистов, а потом они частенько сами звонили нам в поисках новостей. Именно в бытность Сергея на этом посту кампания Птица года с городской ласточкой была признана одной из лучших в стране. Алексей Минчонок заменил Сергея на полгода, он начал регистрацию первых торговых знаков АПБ. Руслан Шайкин, «старый» активист-волонтер АПБ, продолжает вслед за ними координировать национальные компании, которые с каждым годом поднимаются на новый уровень. Светлана Матусевич работала в АПБ и секретарем, и сотрудником по развитию и владеет многими секретами убеждения потенциальных членов АПБ. Сейчас увеличение членской базы организации находится в компетенции Семена Левого. Виктор Фенчук – неутомимый специалист по сохранению

вертлявой камышевки —хорошо известен почти во всех странах, где еще встречается этот вид. Вот только проверить, как она там зимует в Западной Африке, ему никак не удается. Максим Ермохин — специалист высочайшего класса по сохранению лесов и цифровой информации, связанной с картами. Самый молодой сотрудник — Надежда Лейченок — секретарь, которому ничего не надо повторять дважды.

Хочу отметить, что Беларусь может гордиться работой большей части своих госслужащих. Почти все, с кем мне приходилось встречаться в системе Минприроды, Минлесхоза, Минобразования, Минсвязи, Нацбанка, оказывали в случае необходимости искреннюю помощь. Эти люди, как и мы, болеют за свою страну и ее успехи и делают для нее часто больше, чем требуют от них служебные инструкции.

Оглядываясь на прожитые годы, могу сейчас сказать, что в каком-то смысле осуществил свою детскую мечту: работать с дикими животными и сохранять их. И, главное, мои первые 10 лет работы на биофаке Гродненского университета не прошли даром, сотни выпускников по всей стране неравнодушны к дикой природе, а некоторые с энтузиазмом участвуют в деятельности АПБ. Конечно, лежат необработанные материалы кандидатской диссертации по болотному луню, терзают идеи новых книг, но ведь полжизни еще впереди! Вдруг на новом посту будет больше свободного времени?

Мой любимый писатель Джеральд Даррелл сравнивал ценность исчезающего вида с картиной Рембрандта, ведь любому здравомыслящему человеку понятна недопустимость утраты выдающегося произведения искусства, ценность которого умопомрачительными суммами подтвердит любой аукцион. Сейчас, когда люди оценили хрупкость экологического равновесия на планете, становится все более очевидным, что с картины можно сделать копию, которая сможет полностью ее заменить. Ни с одного исчезающего вида копию сделать пока нельзя...

Вместе для птиц и людей!

Александр Винчевский,
исполнительный директор АПБ 1999—2006 гг.

Alexandre Vintchevski, APB Executive Director, shares his impressions of APB development during his 9-year leadership in organisation.

НА РОДИНЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ

Александр ВИНЧЕВСКИЙ,
фото автора

От народа и для народа

Так можно перефразировать девиз службы нацпарков США. Имея безусловной целью сохранение дикой природы, американские пионеры создания национальных парков не могли по-большевистски спрятать эту красоту от населения. Мы были удивлены, узнав, что в американских нацпарках нет никакого зонирования, как у нас — здесь можно охотиться, а здесь — нет, здесь можно рубить, а здесь — нет. Вся территория — единое целое, но сохранность природы в нацпарках не хуже, чем в нашем единственном заповеднике — Березинском. В США только не строят через природные охраняемые территории автомагистрали. Власти уничтожают излишние лесные дороги не только на территории нацпарков, но и в общественных лесах: меньше дорог — меньше людей, меньше проблем, меньше искусственных пожаров.

Первые нацпарки Америки создавались по велению сердца. Американские первопроходцы хотели сохранить эти девственные места для потомков. И сохранили. С мыслью о людях. О редких видах тогда никто не думал. Крупные куски сохраненных экосистем и сейчас дают приют десяткам исчезающих таксонов. Американский художник Джордж Кэтлин еще в 1832 году написал, что необходимо властью правительства предохранять от освоения наиболее дикие места и создавать национальные парки. Американцы, похоже, — первая нация на земле, которая начала сохранять природу ради ее самой и для восхищения ею. Беловежская пуща во времена князей, королей, царей, генсеков сохранялась главным образом как охотничье угодье, где живет зубр. Леса вдоль российских рек охранялись петровским указом для защиты водных ресурсов. Безусловно, европейские художники боготворили дремучие леса, горы и бурные реки. Но американцы первыми взглянули на дикую природу восхищенными глазами, без оценочного прищура.

Первый в Америке и в мире национальный парк Йеллоустоун создан в 1872 году президентом США Улиссом Грантом. А ведь еще не прошло и 10 лет после окончания гражданской войны. В 1890 году были созданы еще два нацпарка в Калифорнии — Йосемитский и Секвойя. В 1916 году президент Вудро Вильсон создал Службу нацпарков. Сейчас она отвечает за состояние 400 объектов национального значения, среди них — Мемориалы погибшим во вьетнамской и корейской войнах и 58 нацпарков. После Второй мировой войны началась новая волна создания нацпарков. Если до этого парки создавали только в местах с красивыми горами, гейзерами, водопадами и каньонами, то потом под охрану были взяты и другие экосистемы: болота, побережья, пустыни.



Ястреб или лунь?

В США и Канаде зарегистрировано 932 вида птиц. За время трехнедельной поездки в США в мае 2005 года мой список пополнился 95 новыми видами, хотя птиц удавалось наблюдать только утром, до того как начиналась официальная программа, в выходные и иногда во время экскурсий в национальные парки.

Интересная ситуация сложилась с различием в английских и американских названиях тех же птиц. Большинство хищных птиц мелкого и среднего размера американцы зовут «ястреб» (Hawk), неважно, лунь ли это или канюк. Такая же путаница происходит и с названиями зверей: пума — «горный лев», бизон — «буйвол», суслики — «земляные белки». Михаил Голденков в своей книге «Осторожно, hotdog!» объясняет это невысоким уровнем образования первых переселенцев, у нас ведь тоже для населения любой пернатый хищник — каршун или шуляк. У американцев же эти народные названия закрепились впоследствии в научной литературе.

Колибри на снегу

Даже мощные волны Атлантики с горячим солнцем Флориды и вереницами бурых пеликанов *(Pelecanus occidentalis)*, элегантных черных водорезов *(Rynchops niger)*, цапель на расстоянии вытянутой руки не перебили впечатления от суровой природы северного штата — Вайоминга. Несколько дней мы жили в Джексоне, небольшом ковбойском городке, расположенном в долине (Hole) между пологими горами, покрытыми пятнами снега сверху донизу. И это в конце мая! Добавьте к этому утренний холодный дождь, иногда переходящий в мокрый снег. Теперь представьте на фоне всего этого колибри! Ярких переливающихся в скупых лучах солнца — металлических колибри! Не знаю, что бы эти птицы делали без людей, но мне посчастливилось их наблюдать только возле сосудов-кормушек с сиропом. Для Вайоминга отмечено шесть видов птичек-бражников и два мне повезло увидеть: *Archilochus alexandri et Stellula calliope*. А один вид колибри *(Selasphorus rufus)*, судя по определителю, гнездится даже на Аляске! На Аляску время от времени залетают еще 3 вида колибри!



Вне кормушек этих птиц очень трудно заметить. По Парагваю я знал, что они часто присаживаются на веточки, но, не зная их любимых присад и цветов, шанс увидеть их невелик. Полет этой птички-бражника стремителен, и в полете уж точно определить ее до вида невозможно. Колибри — это как бы ракшеобразные Северной Америки, как бы случайно попавшие вдруг от жаркого южного солнца в суровые условия севера. На Канаду с США приходится всего лишь три вида зимородков из ракшеобразных. И ни одной сизоворонки!

Другими птицами, которых я никак не ожидал увидеть в таежной зоне, явились пеликаны. Американский белый пеликан *(Pelicanus erythrorhynchus)* обитает исключительно на таежных реках и озерах Северной Америки. Первых пеликанов мы увидели на озере Джексон национального парка Гранд Тетон. Наряду с западноамериканскими поганками *(Aechmophorus occidentalis)* пеликаны были одними из немногих птиц, которых можно было заметить издалека на огромном озере.

Йеллоустоун — американская Камчатка

Америка размерами похожа скорее на Россию, чем на Беларусь, и в плане туризма является самодостаточной, т.е. большинство американских туристов чаще всего едут не за границу, а посещают нацпарки или памятники природы своей страны. Есть в США и своя Камчатка. В 1990 году я с друзьями целый месяц путешествовал по Камчатке и могу заверить, что тайга и множество проявлений вулканической деятельности делают ее очень похожей на Йеллоустоун. Хотя в отличие от Камчатки в Йеллоустоуне мне повезло увидеть диких медведей. Здесь их не стреляют. Йеллоустоун - это 300 гейзеров и 290 водопадов, один из которых высотой 94 м! Йеллоустоун — один из самых посещаемых нацпарков Америки. А чемпион по посещаемости — национальный парк Грейт Смоки Маунтинс с 9 млн. человек ежегодно. Йеллоустоун с 2,8 млн. в 2005 году занимает пятое место. Находится этот парк далеко от крупных городов. Интересно, что в 1895 году Йеллоустон посетило 5,438 человек, в 1923 численность посетителей превысила 100 000, в 1948 — 1 млн., в 1980 — 2 млн. Йеллоустоун имеет статус Всемирного наследия ЮНЕСКО и биосферного резервата. Парк растянулся на 102 км с севера на юг и 87 км в ширину и лежит сразу в трех штатах: Вайоминг, Монтана и Айдахо.



Здесь обитают 7 видов аборигенных копытных и 2 вида медведей: черный и бурый (гризли). Волки были реинтродуцированы в парк в 1995 году, и сейчас за 2000 долларов с опытным проводником за выходные у туристов есть шанс увидеть этих красивых мощных зверей. Всего здесь обитает 5 видов животных, относящихся угрожаемым или исчезающим: соответственно гризли, рысь, белоголовый орлан,

волк и американский журавль. Интересно, что именно здесь в начале прошлого века нашли последних 20 особей лебедя-трубача *(Cygnus buccinator)*, когда он уже был истреблен повсеместно. Эта была оседлая популяция, которая, не покидая пределы парка, не встречалась с охотниками. Эти птицы составили ядро программы восстановления черноклювого лебедя в США. Сейчас численность вида превышает 20,000, а в Йелоустоне по прежнему зимует около 20 местных и 100 прилетных птиц. В Джексоне несколько лебедей плавали на краю города и даже совсем как шипуны выходили к людям из воды, напрашиваясь на кусок хлеба.

Самые красивые горы Америки

К Йеллоустоуну с юга примыкает другой нацпарк — Гранд Тетон, который возник при активном участии Дж. Д. Рокфеллера-младшего. Известный бизнесмен в 1926 году как-то обедал на пригорке напротив хребта Гранд Тетон и был ошарашен нелепостью человеческих строений на фоне вечных гор. Он начал инкогнито скупать земли вокруг гор, уничтожая постройки на них. Купив 12 950 гектаров, он предложил Конгрессу сделать здесь нацпарк. В 1929 году парк был создан.

Общественные организации активно собирают деньги в помощь нацпаркам. Фонд национального парка Гранд Тетон собрал к 2005 году 6 млн. долларов, для того чтобы парк смог закончить строительство нового центра для приема 4 миллионов посетителей ежегодно. Конгресс США выделил только половину необходимой суммы. Еще большее удивление у нас вызвал факт, что этот общественный фонд взял в банке кредит, чтобы не откладывать строительство центра, и только потом приступил к сбору пожертвований. За несколько лет, собрав пожертвования, он отдал почти всю сумму, включая проценты. Американцы ежегодно имеют право пожертвовать определенную часть своего подоходного налога любой некоммерческой организации. Выигрывают те НГО, которые наиболее эффективны в своей деятельности.

Тушить или не тушить

Кстати, в США в лесах борются только с антропогенными пожарами. Ученые еще в 40-х годах XX века выяснили, что, например, огонь является первичным фактором по изменению многих экосистем на западе США, включая и леса Йеллоустоуна. 80% территории парка покрывают леса, причем в основном из сосны скрученной широкохвойной *(Pinus contorta)*. В 50-х и 60-х годах национальные парки и лесная служба начали эксперименты с контролируемыми пожарами, и в 70-х Йеллоустоун и другие парки создали планы естественного огневого управления, чтобы позволить пожарам от молнии воздействовать на сукцессии в экосистемах. Выяснив причину пожара, охрана принимает решение тушить или нет. В 1972—1987 годах экологи наблюдали за 235 пожарами в парке, от которых выгорело 13 530 га.

Только 15 пожарищ были более 40 га, и все пожары погасли сами. Население хорошо приняло такую практику, и программа была признана успешной. Таким образом, старый лес постепенно заменяется на молодой. Хотя, может быть, до пилорамы они просто не додумались?

Опытный лесник удивится: неужели огонь ни разу не вырвался из-под контроля и не натворил бед? В 1982—1987 годах лето было более дождливым, чем обычно. Лето 1988 года было самым сухим за всю историю Йеллоустоуна. Из 284 пожаров в 1988 году только 31 было позволено догореть самому. 25 000 пожарных трудились до осени, не покладая рук, но стихию смогла притушить только сама природа. От пожаров выгорела 1/3 территории парка. 95% выгоревшей территории пострадало от 7 пожаров, из которых 5 начались за пределами парка, а 3 были инициированы людьми. Животный мир не сильно пострадал от пожаров: например из 40 000 вапити погибло 345 особей.

С одной стороны тоскливо смотреть на склоны и долины, покрытые спичками стоящих и лежащих обгорелых сосен. С другой стороны, пожары, в отличие от вырубок — процесс, имеющий естественное происхождение, природа к нему адаптирована, есть десятки видов, зависящих от пожарищ, а сосна после него прекрасно восстанавливается. Внеся изменения в план огневого управления Йеллоустоунского нацпарка после главного пожара XX века, в 1992 году американцы опять разрешили стихии время от времени погуливать в заповедных лесах.

Боязнь пожаров, лесов, кишащих медведями, лосями, оленями, волками, хорошо защищает заповедные леса от наплыва диких туристов. Всех этих животных можно увидеть, но только там, где они сами этого захотят. В течение 2 дней возле приюта Джексон Лэйн в нацпарке Гранд Тетон мы наблюдали лосиху с лосенком, мирно пасущихся в зарослях ивы в 25 м от автодороги. Забудьте страшные истории про гризли, нападающих на автомобили и туристов, пытаясь найти что-нибудь съестное. Кормить животных в нацпарках сейчас категорически запрещено: ни оленей, ни медведей, ни белок. За нарушение — солидный штраф. Как результат, бурая медведица с двумя детенышами на виду у нескольких сотен туристов, остолбеневших возле дороги (Йеллоустоун), мирно прогуливалась по опушке леса, не обращая на людей никакого внимания. Кстати, и водоплавающих птиц категорически запрещается кормить, даже в населенных пунктах. Причины те же, что и у нас, только в США их можно прочесть возле каждого места, где сострадательная публика имеет контакт с этими птицами.





Под защитой аллигаторов

Диких аллигаторов мы видели только на заповедном болоте Окифеноки в Джорджии. Но по-настоящему насмотрелись на них в зоопарке города Сан-Августин во Флориде. Кстати, этот зоопарк один из немногих, в экспозиции которого представлены все 23 вида крокодилов мира. Но поражают там вовсе не крокодилы. Огромные огороженные заводи, кишащие аллигаторами, создали прекрасные условия для размножения диких птиц, в первую очередь – голенастых. Здесь расположена одна из крупнейших на Атлантическом побережье колоний. Ни один енот-полоскун или другой любитель птичьих яиц не рискнет попытать счастья на территории зоопарка. Мы наблюдали выводки 8 видов птиц, в том числе очень редкого лесного аиста *(Mycteria americana)*, которым, кстати, гордится резерват Окифеноки. Но увидели мы его только здесь. До некоторых гнезд при желании можно было дотянуться рукой. Была пора выкармливания птенцов, можно было наблюдать разнообразное поведение птиц – ведь они совершенно игнорировали присутствие человека. Безусловно, пернатые расплачиваются некоторым количеством птенцов за покой, который им обеспечили миссисипские аллигаторы. Надо сказать, все виды диких цапель и других птиц были описаны на табличках, и еще тройка видов типа выпей осталась попросту незамеченной.

Нет ничего более практичного, чем сохранение красоты

Выведенные в подзаголовок слова принадлежат президенту США Теодору Рузвельту. Американцы уверены, что если бы Теодор Рузвельт не был увлечен дикой природой, то неизвестно как выглядела бы Америка сегодня. При его поддержке в 1905 году была создана Лесная служба США, и 6,4 млн. га лесов было спасено от вырубки коммерческими компаниями. Сейчас в США 155 «лесхозов», которые занимают 8,2% территории страны. Эти общественные земли используются для отдыха, пастьбы скота, получения древесины, добычи полезных ископаемых, газа и нефти, сохранения дикой природы, водоразделов.

Более 100 лет назад, в 1903 году президент Теодор Рузвельт подписал указ о создании первого в США заказника дикой природы (wildlife refuge) на о-ве Пеликан во Флориде. Сейчас система заказников в США покрывает 40 миллионов га земли и воды. Это 540 заказников во всех 50 штатах. Около 400 резерватов открыто для посетителей: для занятия охотой, рыбалкой, фотографией, наблюдений в природе, экологического образования. В систему входит еще более 1000 территорий, важных для размножения водоплавающих птиц. Только Теодор Рузвельт, пока был президентом, создал 53 резервата. Сказалось ли это плохо на американской экономике? По-моему, ответ очевиден.

На территории резерватов можно встретить более 700 видов птиц, 220 видов зверей, 250 видов рептилий и амфибий, 200 видов рыб. Резерваты дают убежище более 250 видам из списка угрожаемых и исчезающих видов животных и растений. 58 резерватов созданы для управления территориями специально для конкретных видов.

Служба дикой природы (the U.S. Fish & Wildlife Service) управляет всеми этими территориями. По крайней мере, один резерват находится в часе езды от любого крупного американского города.

Ежегодно более 36 000 добровольцев жертвует более 1,4 миллиона часов своего времени для работы в резерватах. 20% работы здесь выполняется ими.

Охота открыта в 300 резерватах и 3000 территориях, важных для размножения водоплавающих. Конгресс объявил заповедными 20% территории резерватов. Резерваты в 2004 году приняли около 37 млн. посетителей. Только в 2004 году благодаря национальным резерватам был получен доход на сумму в 1.4 млрд. долларов. Обслуживанием посетителей на охраняемых природных территориях – рестораны, гостиницы, сувениры – занимаются концессии. Это предприниматели или фирмы, которые арендуют у парка или заказника здания и помещения и, кроме постоянного взноса, перечисляют определенный процент от оборота. От туризма в резерватах зависит 24 000 рабочих мест в частном секторе. Система заказников вместе с тем развивается: в 2001–2004 годах было создано еще 17.

В Америке за 100 лет множество компаний расцвело и обанкротилось, множество состояний появилось и исчезло. А национальные парки и заказники только крепнут и увеличивают свою популярность. Своему президенту-энтузиасту охраны природы Теодору Рузвельту американцы в 1947 году посвятили новый национальный парк в Северной Дакоте, названный его именем. Здесь он восхищался природой, охотился и наблюдал птиц. Ведь, как оказалось, Теодор Рузвельт знал орнитолога-художника Одюбона и вместе с ним был увлечен наблюдением за птицами!

Какой общественный деятель не мечтал бы о таком увековечении своего имени?

«Around the World» section. Alexandre Vintchevski writes about his trip to study American conservation system organized by the USA Embassy in the Republic of Belarus. World's first national park was created on Yellowstone river in 1872. Nowadays there are over 400 national parks and nature monuments there. In 1903, the President of the USA Theodore Roosevelt signed the resolution on the creation of the first wildlife refuge in the USA on the Pelican Island in Florida. Now the refuge system covers 40 million hectares of land and water in the USA. It comprises of 540 refuges in all the 50 states. Over 400 refuges are open for visitors for birdwatching, photography, hunting, fishing and for environmental education. There are also over 25,000 Waterfowl Production Areas. In one word, there is a lot to learn from them...



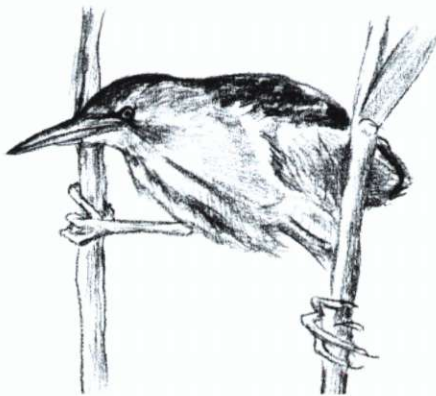
ПАД ЛАЗОВЫМІ ШАТАМІ

Сяргей ЗУЁНАК

...Сярэдзіна лета, Прыпяць у сваёй сярэдняй плыні, вільготныя лугі з травой па пояс — там, дзе не прайшоўся росным золкім ранкам касец, змрочныя нават у самы спякотны поўдзень амаль непралазныя лазовыя імшары, бясконцыя трысняговыя зараснікі — словам, сапраўдная прыпяцкая пойма — такая, якой яна была шмат гадоў назад, і якой, спадзяюся, застанецца на вякі. Зрэшты, застанецца ці не, залежыць ад нас з вамі.

Мы з калегамі, выціраючы ліпкі салёны пот, што ручаямі цячэ па тварах, паволі прадзіраемся праз лазова-трысняговыя зараснікі да гнязда скрытнай таямнічай птушкі — чаплі-лазяніка, ці малога бугая, ці ваўчка — як вам больш пажадана. Знайсці такое гняздо — альбо неверагодная ўдача, калі выпадкова натрапіш яго сярод неабсяжных зараснікаў, альбо вынік цяжкай руплівай працы, калі, прыблізна ведаючы гнездавы ўчастак лазянікаў, метадычна, гадзіна за гадзінай прачэсваеш хмызнякі без асаблівай, шчыра кажучы, надзеі на поспех. Складанасць задачы ўзмацняецца тым, што для таго, каб хаця б прыблізна азначыць гнездавы ўчастак, неабходна не адзін дзень даследаваць пойму, спрабуючы заўважыць альбо пачуць маўклівую птушку, асноўны занятак якой — як мага менш трапляцца каму б там ні было на вочы. Задача, згадзіцеся, не з простых. І тым прыемней, што нашым гідам у гэтай нялёгкай вандроўцы выступае Марына, добра вядомая ў заалагічных колах жанчына-арнітолаг, аўтар знаходкі аж цэлых двух гнёздаў лазянікаў на гэтым участку поймы. Дарэчы, арыентавацца сярод трыснягу і хмызнякоў вельмі складана — усе навокал аднолькавае, воку няма за што зачапіцца. Нават з дапамогай JPS — прыбора спадарожнікавай навігацыі — і тое не адразу выходзіш у патрэбную кропку — густыя зарасці трыснягу не горш за бетонныя перакрыцці экрануюць радыёхвалі, і прыбор альбо нясе розную бязглуздзіцу, альбо проста губляе сувязь са спадарожнікамі...

Малы бугай у адрозненне ад свайго бліжэйшага сваяка — вялікага бугая, які пры выбары месца гнездавання аддае перавагу вялікім азёрам і штучным вадасховішчам, берагі якіх густа параслі



трыснягом, селіцца на невялікіх рэчках, сажалках і рачных старыцах з зараснікамі трыснягу і хмызнякоў па берагах. Малому дакладна і патрабуецца менш. Гэтую птушку без перабольшання можна аднесці да ліку самых скрытных і непрыкметных птушыных жыхароў Беларусі, і гэта пры тым, што яна амаль не баіцца чалавека — гнездаванне гэтай маленькай чаплі неаднаразова адзначалася нават на тэрыторыі Мінска, літаральна ў некалькіх сотнях метраў ад ажыўленых гарадскіх магістраляў! Так што такія рысы ў паводзінах чаплі-лазяніка, як маўклівасць і непрыкметнасць, я б аднёс хутчэй не да ўроджанай асцярожнасці, а проста да адсутнасці біялагічнай мэтазгоднасці паводзіць сябе як-небудзь інакш. Належачы да тыповых хмызняковых жыхароў, лазянік, як, дарэчы, і іншыя прадстаўнікі «хмызняковага комплексу», не мае асаблівай патрэбы лётаць куды-небудзь далёка за межы сваіх уладанняў. Ды і навошта? Дах са шчыльна пераплеценых лазовых кронаў уяўляе сабой ідэальнае ўкрыццё ад паветраных драпежнікаў, вада і мірыяды трысцінак ахоўваюць ад драпежнікаў наземных не горш за крапасную сцяну, абнесеную глыбокім ровам. У адносінах ежы ў малога бугая таксама няма праблем - водныя і каляводныя бесхрыбетныя, дробныя рыбкі, якія складаюць аснову харчавання гэтай птушкі, у вялікім мностве вядуцца літаральна пад нагамі — еш, не хачу. Ну, а што тычыцца гучных шлюбных спеваў самца, дык можна абыйсціся і без іх — патэнцыйная сяброўка прад'яўляе да месца жыхарства аналагічныя патрабаванні, як і гаспадар тэрыторыі, а таму знаходзіцца непадалёк, і як вынік, цудоўна рэагуе на інтымныя камерныя спевы, якія самец выконвае ёй у палову голасу, літаральна на вуха. Увогуле, спевамі гэтыя гукі можна назваць толькі з вельмі вялікай нацяжкай — больш за ўсё яны нагадваюць «корканне» шэрай чаплі, але значна цішэйшыя і не такія рэзкія. Як бы там ні было, але самцы яны вельмі падабаюцца,

У супрацьлеглым выпадку спявак дакладна выконваў бы што-небудзь іншае.

Пасля падзелу тэрыторыі і непрацяглага перыяду спеваў, якія заўважаюць толькі самкі ды яшчэ хіба што арнітолагі пры пэўным старанні, чаплі-лазянікі ўтвараюць пары і прыступаюць да размнажэння. Пры ўсім сваім індывідуалізме птушкі гэтыя не вельмі цураюцца сабе падобных. Нягледзячы на вялікае мноства прыдатных для пабудовы гнязда месцаў, асобныя пары селяцца непадалёк адна ад другой — гэткі варыянт «катэджнага тыпу», калі суседзі не перашкаджаюць адзін аднаму, але пры жаданні і словам перакінуцца могуць.

Ніякіх асаблівых вынаходстваў у плане маскіроўкі гнязда, якое, дарэчы, як і ў іншых чапляў, нагадвае неахайны перавернуты конус з сухіх галінак, лазянік не ўжывае - пры жыцці ў такіх нетрах гэта ўвогуле не патрэбна. Размяшчаецца гняздо амаль што зусім адкрыта ў прыкаранёвым кальчаку лазовага куста альбо на яго бакавых галінах, на заломах трыснягу, нават на ствале паваленага дрэва не вельмі высока ад зямлі. Да маскіровачнай стратэгіі лазянікаў можна аднесці хіба што звычку гняздзіцца значна пазней за іншых птушак. Непрыкметна з'явіўшыся на гнездавых участках у канцы красавіка—пачатку траўня, да размнажэння малыя бугаі прыступаюць толькі ў самым канцы вясны, калі падымуцца маладыя трыснягі, а дасягнуўшае максімальных памераў лазовае лісце ўтворыць над будучым гнездавым участкам чапляў сапраўдныя шаты. Дадайце да гэтага тры тыдні наседжвання, тыдзень, альбо, калі птушак ніхто не турбуе, крыху больш, знаходжання птушанят у гняздзе, якое яны пакідаюць гэткімі бездапаможнымі кудлатымі чарцянятамі, якім яшчэ доўгі час патрабуецца дапамога бацькоў, і атрымаецца, што большменш самастойнымі маладыя лазянікі становяцца толькі напрыканцы лета.

Неўзабаве настае час асенняга пералёту, і лазянікі, так жа непрыкметна, як і з'явіліся, адлятаюць да месцаў зімоўкі, якія знаходзяцца аж у Цэнтральнай Афрыцы, на поўдзень ад Сахары.

Рэальная магчымасць ажыццявіць даўнішнюю мару – сфатаграфаваць самца чаплі-лазяніка – з'явілася, як гэта заўжды і здараецца, зусім нечакана. Прыйшла яна ў выглядзе прапановы правесці навуковыя назіранні на двух гнёздах лазяніка, знойдзеных у пойме Прыпяці. Зразумела, што адмовіцца ад такога было проста немагчыма. І вось доўгачаканы момант настаў. З алоўкам, блакнотам і, вядома, з неразлучным спадарожнікам - фотакамерай зноў, як і пятнаццаць гадоў таму, я апынуўся ў цеснай палатцы-схованцы ў некалькіх метрах ад гнязда таямнічай мініяцюрнай чаплі-лазяніка. Задача перада мной стаіць не вельмі складаная, але надзвычай адказная – адсочваць бюджэт часу лазянікавага сямейства. Азначае гэта тое, што патрэбна з дакладнасцю да хвіліны занатоўваць у дзённіку ўсе, нават, самыя нязначныя на першы погляд падзеі, якія адбываюцца ў гняздзе, і, зразумела, па меры магчымасці, фатаграфаваць. Потым, пры аналізе такіх дадзеных, арнітолагі атрымліваюць вельмі каштоўныя звесткі аб звычках і ладзе жыцця таго альбо іншага віду птушак.

І так, раздзяліўшы дзённую вахту на кавалкі па чатыры гадзіны для кожнага (пры жаданні можна і больш), мы з калегамі займаемся сур'ёзнымі навуковымі даследаваннямі і заадно атрымліваем «райскую асалоду» ад назіранняў за птушкамі, ды такую, што «Баунці» проста адпачывае! На двары разгар летняй спякоты, слупок тэрмометра пераваліў за 30, акрамя таго, у паветры поўны штыль – ніводная галінка не калыхнецца, карацей кажучы, сапраўднае пекла. Але ўсё гэта дзесьці там, звонку. У гасцях жа ў чапляў пад шчыльнымі лазовымі шатамі прыемная прахалода, а за невялічкім акенцам ля палаткі разгортваюцца падзеі, якія шчасціць назіраць толькі выбраным, і мы ў іх ліку!

Дзённая вахта ў птушак, як і ў нас, арнітолагаў, таксама строга падзелена між бацькамі і складае каля 50–55 хвілін, хоць ты звярай гадзіннік. Сямейныя абавязкі выглядаюць прыкладна так: пакуль адзін з бацькоў, пакарміўшы птушанят, сядзіць на краі гнязда альбо на саміх птушанятах – залежыць гэта ад узросту малых і ад надвор'я, другі адпраўляецца на паляванне, з якога вяртаецца строга праз адзначаны вышэй тэрмін. Змена партнёраў на гняздзе праходзіць зладжана, што ў тых вартавых на Крамлёўскай плошчы – прыгожа, сінхронна, ніводнага лішняга руху, сапраўднае шоу. Калі «паляўнічы» падыходзіць да гнязда, «вартавы» ужо напагатове: прыўзнімаецца на цыбатых нагах, паварот на 180 градусаў, крок уніз – і месца свабоднае. Літаральна праз секунду яно займаецца другой птушкай, якая адразу ж пачынае рассоўваць па шырока адкрытых галодных ратах птушанят прынесеныя прысмакі. Часам, можа, для таго каб абмеркаваць нейкую сямейную праблему, а можа, проста лянуючыся, тая з птушак, якая сядзела на гняздзе, не спяшаецца адпраўляцца на паляванне. У гэтым выпадку яе партнёр, пакарміўшы птушанят прынесенай здабычай, вытрымлівае некалькі хвілін дзеля парадку, а потым літаральна выстаўляе сваю нерупліўую палову «за дзверы» – маўляў, дзеці галодныя, а ты тут лынды б'еш! Гультай (альбо гультайка, раз на раз не прыходзіцца) хуценька, быццам сапраўды адчуваючы нейкую віну, саскоквае з краю гнязда – куды падзявалася тая паважная марудлівасць, з якой звычайна рухаюцца гэтыя птушкі, – і быццам раствараецца ў моры галінак і трысця. Гэтак жа раптоўна, нібы здань, праз пэўны час з'яўляецца каля гнязда зноў. Здаецца, трымаеш у полі зроку ўсё наваколле гнязда, асабліва той накірунак, адкуль з'яўляюцца птушкі, імгненне назад не было нікога, і раптам – вось яна, быццам матэрыялізавалася з густога ліпеньскага паветра. Плаўна, быццам у запаволеным кіно, не ідзе, а хутчэй перацякае з аднаго месца ў другое. Складваецца ўражанне, што для птушкі няма аніякай розніцы: зямля, вада, хмызззё – з аднолькавым поспехам яна рухаецца па любым з гэтых субстратаў, выкарыстоўваючы для апоры любую, нават, на наш погляд, зусім прыдатную для гэтага зачэпку. Часам рухі птушкі, асабліва па галінках, выглядаюць зусім неверагоднымі, параўнаць яе ў гэты момант можна хіба што з нейкай фантастычнай істотай, якая цалкам ігнаруе вядомыя нам фізічныя законы.



Шчыра кажучы, жыццё лазянікавага гнязда (як, дарэчы, і многіх іншых гнёздаў) паміж кармленнямі не адрозніваецца асаблівай разнастайнасцю. Птушаняты, праглынуўшы чарговую порцыю прысмакаў, бавяць час у салодкай дрымоце, гледзячы на іх, і дарослая птушка пачынае смешна, зусім як чалавек «дзяўбсці носам». Зрабіўшы такую непрыстойную для вартавога рэч, чапля ўстрапянаецца і сарамліва азіраецца па баках – а ці не бачыў хто такой яе ганьбы? Вось і ўсе забавы. Хіба што яшчэ ў самы поўдзень, калі ліпеньская спякота запаўзе нават у зялёны лазовы паўзмрок, можна спусціцца з гнязда, каб крыху намачыць крылы і папіць, што-што, а да вады тут крылом падаць.

Назіраючы за птушкамі, пакрысе разумею, што ім няма да маёй схованкі аніякай справы, прыйшоўшы да такой высновы, пачынаю паволі прасоўваць усю гэтую пабудову бліжэй да гнязда, нарэшце аказваюся ад яго не больш чым у трох метрах, і працягваю назіраць інтымныя падрабязнасці жыцця бугаёвай сям'і буйным, амаль «партрэтным» планам. Дарэчы, малы бугай – і сапраўды бугай, толькі малы. Шмат што – і поза затойвання з вертыкальна выцягнутай угору шыяй, і поза пагрозы з паўраскрытымі за спіной крыламі, нетаропкія рухі, звычка падоўгу заміраць на адным месцы, усё нагадвае паводзіны старэйшага брата, вялікага бугая.

Чатыры гадзіны – мая змена – прайшлі, быццам прамільгнулі. Як ні шкада, трэба развітвацца – наперадзе яшчэ амаль трыста кіламетраў дарогі дадому. І ўжо пазней, калі эйфарыя ад такой фантастычнай сустрэчы прайшла, у нетаропкай гамонцы з калегамі за кубкам гарбаты высвятляю, што яны далі сабе такое ж абяцанне, як і я, – наступным летам абавязкова зноў сустрэцца з гэтымі цудоўнымі птушкамі на прыпяцкіх берагах!

«On the Pages of the Red Data Book» section. Siarhey Zuyonak presents the Little Bittern, one of the most secretive and mysterious birds in Belarus. When nesting, this species prefers small water objects: oxbows in floodplains, ponds, small rivers, obviously (?) with willow and reedbeds. Despite being a very rare bird, the Little Bittern regularly breeds even in the territory of Minsk, the capital of Belarus. The author describes his observations of birds at two nests for several days in 2006.







Малы бугай

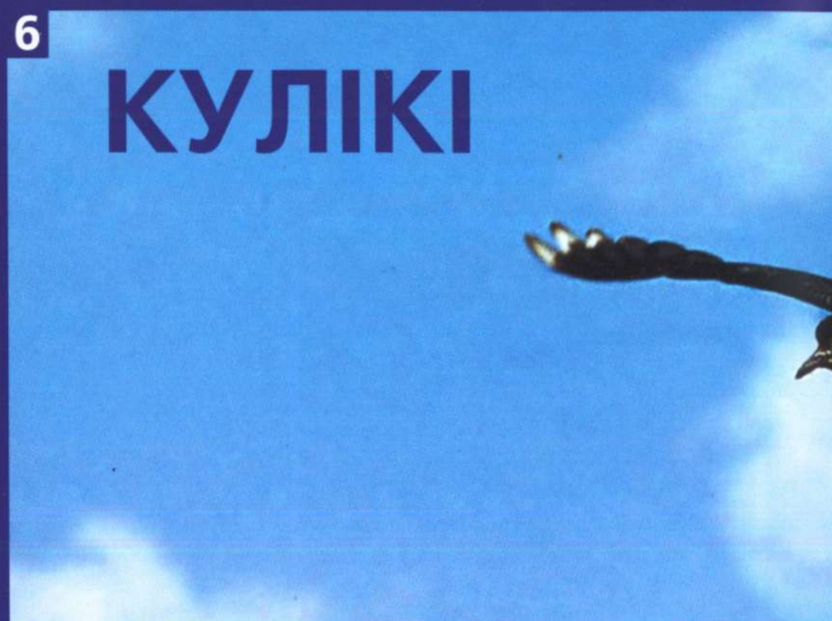
Здымкі Сяргея ЗУЁНКА (Мінск)

КУЛІКІ

























ФОТАКОНКУРС

1. **Кулік-паручайнік** *(Tringa stagnatilis)* – фота Паўла Пінчука (Мінск)
2. **Кулік-гразевік** *(Limicola galcinellus)* – фота Вадзіма Пракапчука (Брэст)
3. **Камняшаркі** *(Arenaria interpres)* – фота Паўла Пінчука (Мінск)
4. **Кулік-паручайнік** *(Tringa stagnatilis)* – фота Андрэя Несцерава (Мінск)
5. **Малы кіркун** *(Calidris minuta)* – фота Вадзіма Пракапчука (Брэст)
6. **Кнігаўка** *(Vanellus vanellus)* – фота Андрэя Несцерава (Мінск)
7. **Вялікі грыцук** *(Limosa limosa)* – фота Наталлі Карліонавай (Мінск)
8. **Баталён** *(Philomachus pugnax)* – фота Паўла Пінчука (Мінск)
9. **Крыўкі** *(Haematopus ostralegus)* – фота Наталлі Карліонавай (Мінск)
10. **Чырвонаваллёвік** *(Calidris ferruginea)* – фота Вадзіма Пракапчука (Брэст)
11. **Вялікія кіркуны** *(Calidris alpine)* – фота Віталія Кашчэева (Браслаў)

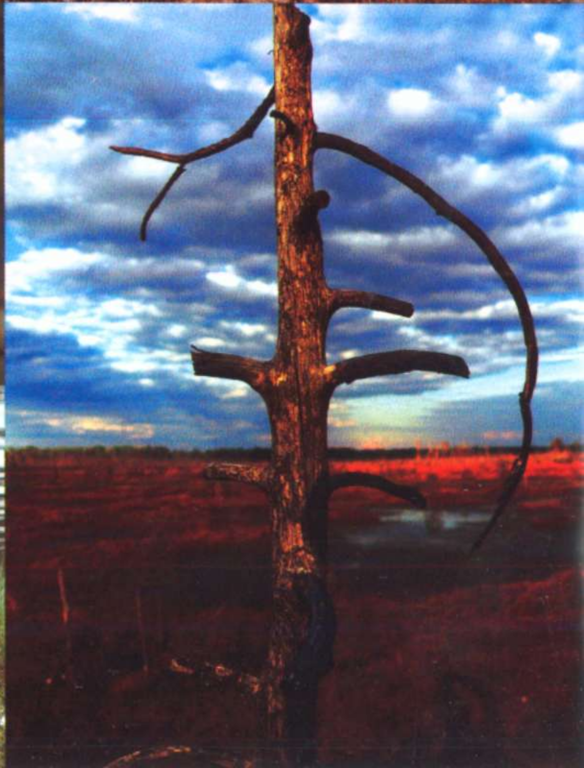












КРАСНЫЙ БОР – ПРИРОДА БЕЗ КРАЯ И БЕЗ... БУДУЩЕГО?

Дмитрий ШАМОВИЧ
фото автора и И.Бышнёва

Север Беларуси, Верхнедвинский, Россонский, Полоцкий и Городокский районы Витебской области, Поозерская Пуща и Белорусское Поозерье – все эти названия характеризуют обширный регион южной тайги, расположенный в центре европейского континента. Отступивший порядка 12 тысяч лет назад последний европейский ледник оставил после себя богатое наследие из тысяч озер, рек, болот и своеобразных форм рельефа, сформировав многообразные ландшафты Белорусского Поозерья. Испокон веков нам, белорусам, посчастливилось называть эти уникальные места своей родиной. Ведь именно здесь зародились истоки белорусской государственности еще во времена Полоцкого княжества. Многие столетия человеческое общество гармонично сосуществовало на одной и той же территории с другими представителями европейской природы.



В силу труднодоступности многих территорий из-за большого количества болот, озер, речек и сложности рельефа, а также низкого плодородия земель для сельского хозяйства, для региона исторически характерна малая плотность населения, особенно резко проявившаяся в послевоенные годы. Даже сегодня в большинстве районов Северной Беларуси плотность населения наименьшая по стране. Второй по площади в Витебской области Россонский район занимает последнее место по количеству населения, которое составляет здесь порядка 13 тысяч человек. А лесистость в ряде мест достигает 80 и более процентов. Здесь отсутствуют крупные промышленные предприятия и города. Эти места оказались незагрязненными и в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Не правда ли, идеальный регион в масштабах страны для создания природных резерватов, проведения научных исследований в естественных ландшафтах, развития экологического туризма и пропаганды охраны природы? И это действительно так! Сегодня, в век компьютерных технологий и индустриального общества, на территории Белорусского Поозерья возникают местные инициативы, призванные напомнить человеку, что он всего лишь часть природы. В этой небольшой заметке мне бы хотелось обратиться к одной из таких инициатив, зародившейся относительно недавно в самом сердце Поозерской Пущи на территории лесо-болотного комплекса Красный Бор.

Красный Бор представляет собой обширный лесной массив южнотаежного типа, сформировавшийся на ландшафтах Валдайского оледенения, и включает в себя одноименный ландшафтный заказник республиканского значения, площадью порядка 30 тыс. га, созданный в 1995 году на территории западной части Россонского района. С запада к заказнику Красный Бор примыкает Освейский ландшафтный заказник, также республиканского значения, расположенный на севере Верхнедвинского района. Сердцем этого заказника является второй по величине естественный водоем Беларуси – озеро Освея - площадью порядка 53 км^2, которое является Рамсарской территорией международного значения. И, наконец, с севера, уже на территории России, расположен Себежский национальный парк. Такое триединство особо охраняемых территорий уже в значительной степени привлекает внимание.

Не вдаваясь в научные дискуссии по поводу сложности происхождения ландшафтов Белорусского Поозерья и их неоднородности для флоры и фауны, хочу только отметить, что Красный Бор – это едва ли не единственная территория на севере Беларуси, на компактной площади сочетающая в себе все разнообразие экосистем, характерных для обширного региона Витебской области. Несмотря на то, что большую часть территории занимают суходольные сосновые боры, приуроченные к песчаным почвам, здесь обычны еловые и смешанные суходольные леса. Еще один коренной тип леса, характерный для южной тайги, – заболоченные черноольховые леса – формирует в ряде мест обширные комплексы, площадью в несколько квадратных километров. Здесь можно найти абсолютно все типы болотных экосистем от мощнейших верховых болот до низинных осоковых ассоциаций. Именно здесь расположено самое крупное в регионе открытое низинное болото в пойме реки Осынки, в целом не характерный для Поозерья биотоп. Отдельного упоминания



заслуживают водные экосистемы. Около 50 озер и рек представляют весь спектр их трофических типов – от близких к олиготрофным озер с чистейшей водой до сильно зарастающих дистрофирующих водоемов и вторичных озерков на грядово-озерных комплексах верховых болот.

Фауна и флора Красного Бора также по-своему уникальны, поскольку здесь обитает и произрастает большое количество видов животных и растений на границах ареалов, имеющих северное происхождение. Из птиц достаточно упомянуть длиннохвостую неясыть, белую куропатку, среднего кроншнепа, дербника, чернозобую гагару, из растений – морошку, карликовую березку, линнею северную, иву лапландскую. Крупнейшие по республике популяционные группировки глухаря, рыси, енотовидной собаки, лося и кабана характеризуют Красный Бор как относительно естественную экосистему. Множество видов из Красной книги Беларуси пока еще сохранили здесь относительно высокую численность. Это в первую очередь орлан-белохвост и беркут. В лесных экосистемах весьма обычен воробьиный сычик, трехпалый дятел, а на верховых болотах – змееяд, скопа, золотистая ржанка, большой веретенник, большой улит и большой кроншнеп. Отмечены местообитания бородатой неясыти, сизоворонки, лебедя-кликуна.





Этот список можно продолжать еще очень долго, однако цель данной публикации не в этом. Надеюсь, читатель, доверившись автору, в общих чертах уяснил, что Красный Бор – это уникальный резерват видов фауны и флоры, расположенный на разнообразном ледниковом рельефе. Я же хотел бы несколько отвлечься от эйфории перечисления видов и вынести на обсуждение ряд практических вопросов сосуществования этого природного комплекса в настоящее время. А вопросов таких немало.

В 2004 году на базе нынешнего охотничьего хозяйства Красный Бор ООО «Интерсервис» было создано подразделение, основной задачей которого стало развитие в регионе профессионального экологического туризма, членом которого автор этой заметки и стал с момента его основания. Говоря «профессиональный» экологический туризм, я бы хотел подчеркнуть специфику направления деятельности команды. К сожалению, в русском языке экологическим туризмом чаще называют обычный отдых на природе, в деревне или в сельской местности. Сошел с трассы в ближайший лес – и ты уже экологический турист! Мы же стремимся к привлечению туристов, обладающих существенными биологическими знаниями и навыками распознавания видов в природных условиях. В процессе проведения подобного тура основным его результатом становится количество наблюдаемых видов, причем упор делается на наиболее редкие и исчезающие виды, увидеть которые становится все труднее и труднее. К сожалению, среди белорусских туристов истинный экотуризм пока еще не пользуется должной популярностью, поскольку у нас еще слабо развита экологическая культура населения. Например, подавляющее большинство белорусов сможет понять интерес в наблюдении зубра в природе, но вряд ли соблазнится предложением послушать весеннюю трель трехпалого дятла. Поэтому, пока что рассчитывать на приток отечественных экотуристов не приходится, и мы вынуждены ориентироваться на европейский рынок.

Наше охотхозяйство, включающее часть территорий республиканских ландшафтных заказников Красный Бор и Освейский, уже достигло вполне ощутимых результатов в развитии экологического туризма в регионе. За два года проведена инвентаризация биоразнообразия территории. Эта работа продолжается и по сей день, составлены списки видов животных и растений, из них выделены наиболее интересные для экологических туристов. Разработаны программы туров по сезонам года, выделены основные объекты наблюдения. Сформирована инфраструктура – места проживания для туристов, транспорт, питание, технические сооружения для наблюдения видов в природе. Издана объемная книга о Красном Боре на русском и английском языках. Ведутся съемки документальных фильмов о природе Красного Бора с участием как отечественных съемочных групп, так и зарубежных кинокомпаний с перспективой выхода на мировые телеканалы. В 2006 году территорию посетили туроператоры из Великобритании и Болгарии и представили свои рекомендации о перспективах развития здесь экологического туризма. В середине сентября успешно проведен первый организованный экологический тур для группы туристов из Великобритании. Несмотря на то, что даже в нашем ближайшем окружении не так много людей верят в реальность развития экотуризма, мы медленно, но верно движемся вперед. Порой бывает сложно объяснить, что экотуризм для своего развития объективно требует большего времени, чем развитие охот-



ничьего туризма. Экономический эффект от одного охотничьего тура может быть существенно выше, чем от экологического тура. Но это лишь поверхностный взгляд. Как правило, в охотугодьях всегда ощущается дефицит трофейного зверя, на которого в основном и направлены все коммерческие туры. То есть в первую очередь число охоттуров ограничено количеством зверя. Кроме того, охота имеет временные ограничения и разрешена лишь в определенные сезоны года, тогда как наблюдать природу можно круглый год. Изъяв из среды трофейного зверя, мы получаем от него выгоду только один раз, тогда как наблюдать с группой экологических туристов, например, воробьиного сычика, можно десятки раз. Для получения экономического эффекта экологический туризм в первую очередь направлен на большой оборот групп. Конечно, для развития этого нового направления требуются специалисты, которых практически нет в регионах.

Но самым главным условием для развития экотуризма в регионах является сохранение биоразнообразия на особо охраняемых природных территориях и их привлекательного «внешнего вида» для экологических туристов.

В условиях Поозерской Пущи и Красного Бора в частности самой жесткой проблемой, вставшей на пути сохранения естественности ландшафтов, является лесопользование. Огромное количество сплошных вырубок на территории заказника республиканского значения заставляет усомниться в эффективности нашего природоохранного законодательства. Все наши гости (туроператоры, фотографы, съемочные группы) из стран Европы, посетившие территорию с целью развития здесь экологического туризма, были удивительно едины в своих суждениях при виде нашего лесопользования —это не управление лесами, это катастрофа! Вдохновленные рекламными материалами о нетронутости природы, девственных ландшафтах и обилии непуганых зверей и птиц экологические туристы ожидают увидеть именно это. Но что в результате?! У них остается неприятный осадок при виде безжизненных пустынь на месте сплошных вырубок и разбросанных по всему лесу порубочных остатков, отсутствия спелых лесов и обилия обширных плантаций сосновых молодняков. А ревущие со всех сторон бензопилы вряд ли могут стать символом живой природы!

Конечно, не нужно объяснять, что лесопользование в регионе является едва ли не единственным источником пополнения бюджета, так же как и давно известна дилемма – рабочие места или сохранение природы. Но возникает резонный вопрос: для чего мы создаем ООПТ и кричим на всех углах о развитии экологического туризма и о том, как же прекрасны наши поозерские леса?! Люди, опомнитесь! Поозерские леса уже не прекрасны! Они изуродованы человеческой деятельностью настолько, что о их былом величии в ближайшее время вряд ли придется говорить. В этом году мне довелось пролететь над территорией Красного Бора на вертолете. Предвкушая прелести полета и возможность полюбоваться территорией с высоты, я никак не мог ожидать, что



вернусь на землю глубоко разочарованным: некогда цельный обширный лесной массив сегодня превратился в израненное существо, испещренное вырубками. Уникальность спелых лесов утрачена почти полностью, а от безжизненных плантаций сосновых посадок устаешь даже, когда летишь на вертолете...

Почему к северу Беларуси проявляют интерес многие европейские туроператоры, занимающиеся организацией экологического туризма? По сути, все просто. Мы еще сохранили свои леса на значительных площадях, и, несмотря на их порой неприглядный вид, в них все еще обитает множество видов фауны и флоры, которые потенциально могут быть интересны для наблюдений экологическим туристам. Но это лишь в сравнении с некоторыми странами Западной Европы, где лесов почти не осталось и где индустриальное общество, опомнившись после уничтожения собственной природы, ищет по всему миру места, где эта самая природа еще сохранилась и где на нее можно еще полюбоваться... правда уже за деньги. Так неужели мы тоже хотим для себя такой участи - истребить за бесценок свое национальное богатство, а затем искать его в чужих краях?! Сегодня трудно найти виновных в сложившейся ситуации, да и вряд ли стоит это делать. Теперь нужно не искать виновных, а менять отношение пользователей к природе. И первыми на этом пути должны стать именно ООПТ, такие как Красный Бор, где люди уже почувствовали серьезность ситуации и необратимость последствий.

Вот цитата из выводов одного из опытных европейских туроператоров, посетившего территорию в 2006 году:

«...Самое негативное впечатление произвели на нас сплошные массовые рубки. Во-первых, таким образом уничтожается всякое будущее экотуризма, поскольку такой вид деятельности абсолютно несовместим с образом нетронутой девственной природы, столь привлекательным для туристов! Ужасный вид сплошных вырубок и зловещий визг бензопил не смогут никого очаровать и послужат только для антирекламы развития экотуризма.

Необходимо срочно найти механизм ограничения этого нелицеприятного вида деятельности хотя бы в весенний период, когда во время рубок уничтожается большое количество гнезд, в том числе и редких видов птиц. Весна также является самым важным перио-





дом для проведения орнитологических туров.

Необходимо срочно ввести строгий природоохранный статус, хотя бы для тех территорий, на которых находятся самые престижные представители лесо-болотных экосистем, где все еще сохранились старые леса. Если невозможно избежать рубок вообще, то необходимо постараться добиться хотя бы выборочных рубок...».

И тут приходишь в тупик: у нас есть закон о создании ООПТ для охраны животных, в то же время мы вырубаем огромные площади лесов на территории заказника. Читая в «Положении о заказнике...» о запрете сплошных рубок главного пользования, думаешь: «Ну, неужели получилось, неужели хоть этот уголок природы останется в относительной безопасности?». Куда там! Сразу за «запретом рубок» возникает слово «кроме» (см. выше), которое сводит на нет весь смысл этого положения - почему-то из ста процентов вырубок на территории заказника в девяносто пяти процентах случаев решили, что проведение выборочной рубки нецелесообразно и уничтожили весь лес одним махом. И не стоит сомневаться, что заготовители древесины, будут упорно доказывать Вам, что именно здесь нужно было провести именно сплошную вырубку: «... у нас есть все документы...». И они по-своему правы — ведь глупо жаловаться на лесничества, получившие свои планы свыше. Порой лишь поражают заявления ряда лесничих, типа «...пусть птицы живут в России, а мы здесь делом занимаемся...», или «... мы еще мало рубим, вот придет новый план...». В еще большее недоумение приводит отношение некоторых местных руководителей лесного хозяйства к ряду редких видов животных. Так неоднократно высказывались предложения внести рысь и медведя в список охотничьих животных, а рысь даже приравнять к вредным видам, поскольку она якобы сильно подрывает популяцию глухаря?! Да, к счастью, на территории Красного Бора плотность популяции рыси одна из наибольших по республике. Но этим надо гордиться, а не хвататься за ружье! Почему никто не предложил разработать программу мониторинга популяции рыси с привлечением современных технологий, чтобы объективно оценить ее влияние на природное сообщество. Подобное исследование наверняка показало бы, что рысь еще даже не полностью освоила потенциальную нишу. Почему никто не заявляет о проблеме енотовидной собаки, которая действительно сильно влияет на популяции куриных птиц, в том числе и на глухаря. И опять все просто — рысь выгодный объект коммерческой охоты. Но ведь лишить жизни животное можно только один раз, и все, его больше не будет!



Затронув тему взаимоотношений с лесхозами, упомяну и проблему с лосем. Практически каждый раз, появляясь в лесничествах, слышу один и тот же упрек: «...Ваши лоси опять повредили наши сосновые посадки...». Ну почему никто не хочет вникнуть в суть проблемы, в ее источник. Ведь лось это всего лишь животное, которое адекватно реагирует на изменение в окружающей его среде. Увеличивается количество лесопосадок — улучшается зимняя кормовая база лося, на что он вполне резонно реагирует увеличением численности. Наглядный пример — это Березинский биосферный заповедник, где нет ни рубок, ни посадок сосны. Казалось бы, рай для диких животных, но плотность лося там гораздо меньше, чем в Красном Бору. А для охраны лесопосадок от лося их нужно всего лишь огораживать, как делают во многих странах Европы. И вряд ли здесь уместны аргументы о том, что в Европе лесопосадки меньше по площади — зато и вырубок у них меньше, а соответственно и прибыли от реализации древесины тоже меньше!

Как же можно противостоять уничтожению лесов на территориях ООПТ? На этот вопрос у меня еще нет окончательного ответа. Но с чего-то все равно нужно начинать. Большим подспорьем в этом деле нам видится выделение охранных зон вокруг мест обитания видов, занесенных в Национальную Красную книгу. В недавно утвержденных Правилах ведения охотничьего хозяйства и охоты, утвержденных Указом Президента №580, указано, что «При осуществлении в границах фонда охотничьих угодий хозяйственной и иной деятельности, не связанной с ведением охотничьего хозяйства юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны выделять участки в радиусе 300 метров вокруг глухариных и тетеревиных токов, взятых под охрану мест обитания млекопитающих и птиц, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, с осуществлением в границах этих участков мероприятий по охране указанных диких животных...». Как нам объяснили в Минприроды РБ на данный момент прецедентов выделения охранных зон вокруг мест обитания редких видов по Республике либо не было, либо было очень мало. Поэтому мы становимся на неизведанную тропу, но все-таки хочется верить в удачу. На территории Красного Бора известно множество мест обитания видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Беларуси. Но даже если их всех взять под охрану и

исключить из рубок главного пользования, то это будут лишь точки на карте, вместе составляющие незначительную часть территории, тем более что нам известны далеко не все места обитания этих видов. Конечно, это будет уже какая-то маленькая победа (хочется верить), но для экологических туристов, передвигающихся между местами наблюдения редких видов, важно видеть относительно естественные экосистемы, а не вырубленные леса и стопки спиленного леса. Поэтому в местах, где планируется развитие экологического туризма, выделение охранных зон лишь вокруг мест обитания отдельных видов явно недостаточно. С нашей точки зрения, на ООПТ республиканского значения необходимо выделение зон покоя, где будут существенно ограничены все виды рубок, вплоть до их запрета. Абсолютно необходимым видится запрет рубок в гнездовой период с марта по июнь, а также в сентябре, когда у многих оседлых видов формируются участки обитания в результате миграции молодых особей. Целесообразно ввести плату на массовый сбор ягод и грибов в августе-октябре с предоставлением льгот местному населению.

Если кому-то обозначенная тема взаимоотношения человеческого общества с природой показалась актуальной, пожалуйста, пишите нам. Может у кого-то уже есть подобный опыт. Только совместными усилиями мы сможем сохранить наше природное богатство и сделать так, чтобы у Поозерских лесов все же было будущее!

The article «The Chyrvony Bor reserve: nature without limits and without ... future?» by Dmitry Shamovich. The reserve has the area of c. 30,000 ha and is situated in the very north of Belarus bordering Russian Sebezh National Park. The reserve has breeding populations of the Willow Grouse, the Whimbrel, the Dunlin, the Black-throated Diver, the White-tailed Eagle, the Golden Eagle. The territory is perspective for ecotourism development. Unfortunately, even the status of the national reserve does not save its woods. Main form of forest harvesting here is clear cutting. The author tries to find a way out of complicated relationships between the reserve and forestries.



ЧАМУ КНІГАЎКА БУДУЕ СВАЕ ГНЁЗДЫ НА ЗЯМЛІ

Даўным-даўно, не за нашу памяць адбылося гэта. Не было тады ні травы, ні дрэў, ні птушак, ні звяроў. Не было нават неба і зямлі. Увесь Сусвет — адна цемра. Але не хацеў Бог, каб усё так і заставалася. І стварыў Ён цудоўны і дзівосны свет. Стварыў неба і зямлю, дзень і ноч, ваду і сушу, траву і дрэвы, рыб і жывёл. Стварыў бог і розных птушак. Па сваіх асаблівасцях сталі мець усе птушкі імёны свае. Благаславіў іх Бог і сказаў: «Няхай птушкі памнажаюцца на зямлі». Галоўнай сярод іх у Беларусі стаў Бусел — вялікая прыгожая птушка з белымі крыламі.



2-е месца: Алена Сенчылава, 12 гадоў (Ветка)

Але ў той час, як кажуць, не было ў птушак гнёздаў. Мелі яны крылы, мелі хвасты, дзюбы, умелі спяваць, яечкі адкладваць, але выседжвалі іх абы дзе. Дрэнна было птушкам без гнёзд: то яечкі пераблытаюцца, то драпежнік іх з'есць, то птушаняты пагубляюцца. Трэба было вучыцца гнёзды будаваць. Існавалі ж і ў звяроў, і ў птушак свае настаўнікі. У птушак настаўнікам быў Бусел. Свае гнёзды Бусел навучыўся ладзіць на дрэвах, на дахах гаспадарчых і жылых пабудоў, на тэлеграфных слупах. Сабраў аднойчы на балоце ён усіх птушак і сказаў:

— Сёння будзем мы з вамі вучыцца гнёзды будаваць. Матэрыял для гэтага можна браць розны: галінкі, сухую траву, карэньчыкі, мох, сцяблінкі, салому.

Расказваў Бусел, але не ўсе птушкі слухалі яго ўважліва, а некаторыя нават і адляталі, недачуўшы ўсіх слоў настаўніка.

Толькі сказаў Бусел, што можна гняздо будаваць на высокім дрэве, як Грак, Чапля, Авяльга, Сойка паляцелі шукаць сабе месца. Сініца і Удод адразу ж накіраваліся на пошук дупла. А Дзяцел са сваёй незвычайнай дзюбай і доўгім языком сам выдзеўб у бліжэйшым сухім дрэве дупло, збудаваў там гняздо і іншым прыклад паказаў.

Працягваў Бусел тлумачыць:

— Месца для гнязда можна і ў кустах знайсці, неабавязкова высока ад зямлі.

І тут жа адляцела Канаплянка выбіраць сабе кусцік.

— Пясок і гліна таксама з'яўляюцца добрым будаўнічым матэрыялам, — сказаў Бусел.

Як пачуў Зуёк пра пясок, паляцеў капаць ямку сярод пяска і каменьчыкаў. А Дрозд і Ластаўка пачалі сабе мястэчка шукаць, дзе б для гнязда можна было гліну здабываць.

Доўга яшчэ Бусел вёў свой урок. Шмат якія птушкі па-свойму зразумелі яго словы-парады і пабудавалі гнёзды. А сярод усіх птушак была там і Кнігаўка. Яна лічыла сябе вельмі разумнай. Нездарма ж імя такое мае. У палёце крылы яе набываюць прамавугольную форму і нагадваюць разгорнутую кнігу. Яна заўсёды была самай лепшай вучаніцай у птушынай школе, бо ўмела кнігі чытаць. Дык вось сёння гэта Кнігаўка праслухала ўсё, што на ўроку Бусел тлумачыў, бо зачыталася чарговай кніжкай цікаваю. А таму, як разляцеліся ўсе птушкі, засталася яна адна, разгубілася, давай успамінаць, для чаго Бусел збіраў усіх птушак. Амаль нічога не ўзгадала, толькі ўспомніла, што гутарка пра гнёзды ішла. Пачала Кнігаўка гняздо сабе будаваць на зямлі балотнай, сярод купін ды зараснікаў траў. Добрае атрымалася гняздзечка, утульнае.

З таго часу так і пайшло ў птушак дзень пры дні, ноч пры ночы: кожная сваё месца для гнязда мае. А Кнігаўка будуе свае гнёзды на зямлі, недалёка ад дарог, сцежак. Адкладвае там яечкі, выседжвае і аберагае іх, даглядае птушанят. Корміцца насеннем пустазелля, траў, рознымі мошкамі, чарвякамі... Паела бы яна і аўса, але тут і казка ўся.

Ганна Галадушка

МІХАІЛ СЦЯПАНАВІЧ ДОЛБІК

Раіса ТАРЛЕЦКАЯ, Васіль ГРЫЧЫК

20-30-я гады XX стагоддзя адзначаны ў ліку іншага і пачаткам планавага даследавання прыродных рэсурсаў Беларусі, арганізаванага на дзяржаўным узроўні. Выкананню гэтай задачы спрыяла стварэнне ў гэты перыяд дзяржаўных навуковых і вышэйшых адукацыйных устаноў – Беларускай акадэміі навук і Беларускага дзяржаўнага універсітэта. У гэтых установах у ліку планавых тэм значылася і інвентарызацыя фаўны і флоры, менавіта тут працавалі такія вядомыя заолагі і батанікі, як А.У.Фядзюшын (сумяшчаў з працай у БДУ), І.М.Сяржанін, С.А.Гусева, М.П.Тамін, М.Е.Макушок і іншыя.

Аднак Вялікая Айчынная вайна, якая з асаблівай жорсткасцю прайшла па тэрыторыі Беларусі, знішчыла плён працы цэлага пакалення вучоных. Нямецкія акупанты, напрыклад, вывезлі ў Германію калекцыйны фонд Акадэміі навук, у складзе якога было каля 6 тысяч экземпляраў птушак. Былі страчаны рукапісы шэрагу навуковых прац па фауне Беларусі, не ўбачылі свет ужо падрыхтаваныя да друку выданні... Арніталагічныя даследаванні пасля вайны практычна прыйшлося пачынаць занава.

Адным з першых беларускіх арнітолагаў пасляваеннай пары быў Міхаіл Сцяпанавіч Долбік. Ён нарадзіўся 12.02.1920 года ў вёсцы Трашковічы Калужскай вобласці Расіі, аднак пазней яго сям'я пераехала на жыхарства ў Мінск. Яшчэ ў школьныя гады будучы вучоны вёў назіранні за птушкамі, запісваў іх у дзённік і захапляўся палётам птушак. Ён нават наведваў мінскі аэраклуб, некаторы час марыў стаць авіятарам. Ажыццяўляючы скачкі з парашутам, выпрабаваў пачуцце палёту, аб якім потым часта ўспамінаў, гледзячы на лунаючых у небе птушак...

Прайшоўшы вайну партызанскімі сцежкамі, у 1944 годзе М.С. Долбік стаў студэнтам біялагічнага факультэта БДУ, які скончыў у 1948 годзе і быў накіраваны на працу ў сектар заалогіі АН БССР. Праўда, першапачатковая планавая тэматыка даследаванняў М.С.Долбіка толькі ўскосна была звязана з арніталогіяй – перад заолагамі ў той час стаяла першачарговая задача: распрацаваць эфектыўныя меры барацьбы за шкоднікамі сельскай гаспадаркі. Таму не выпадкова першая праца, напісаная



М.С.Долбікам у сааўтарстве з І.М.Сяржаніным, называлася «Шкодныя грызуны і спосабы іх знішчэння».

Магчымасць займацца вывучэннем птушак, няхай першы час і паралельна з выкананнем іншай работы, стала спрыяльнай умовай для станаўлення будучага спецыяліста. Ужо ў 1948 г. М.С.Долбік прымае ўдзел у экспедыцыі па даследаванню так званага Прадпалесся – Пухавіцкага, Слуцкага і Салігорскага раёнаў, – а затым наведвае і «палесскую жамчужыну» – возера Чырвонае. У 1949 годзе вывучае фаўну паўднёва-усходняга Палесся (рака Брагінка) і поймы ракі Убарць, у 1950 годзе – поймення лугі ўздоўж ракі Арэсы, лясы басейна Прыпяці. У 1951–1955 гадах экспедыцыі ахопліваюць і шэраг іншых раёнаў Беларускага Палесся. У гэты ж час малады вучоны даследуе калекцыйныя фонды па птушках, сабраныя ў 30-я гады мясцовымі аматарамі ў краязнаўчым музеі Пінска. Вынікам 10-гадовага вывучэння фауны птушак Палескага рэгіёна стала першая арніталагічная манаграфія М.С.Долбіка «Птушкі Беларускага Палесся», якая ўбачыла свет у 1959 годзе. Яшчэ да гэтага была пасляхова абаронена кандыдацкая дысертацыя пад такой самай назвай.

Сёння кніга «Птушкі Беларускага Палесся» з'яўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю. Аўтар сабраў на яе старонках усе даступныя звесткі па арнітафауне рэгіёна, усё, што ведаў з літаратуры, знайшоў у музеях і калекцыйных сховішчах і, вядома ж, назіраў сам у час сваіх навуковых падарожжаў. Гартаючы яе старонкі і чытаючы тэкст, нібы паглыбляешся ў «атмасферу» арніталагічнай навукі таго ўжо адыйшоўшага ў мінулае часу: усё – і стыль тэксту, і план падачы інфармацыі, і нават каляровы малюнак такуючага глушца на цвёрдай вокладцы – так істотна адрозніваецца ад таго, што мы прывыклі бачыць сёння...

Наступны этап навуковай дзейнасці М.С.Долбіка меў ужо некалькі іншую накіраванасць. У значнай меры адыйшоўшы ад уласна фауністычных даследаванняў, вучоны пераключае ўвагу на тыя віды птушак, што маюць найбольшае гаспадарчае значэнне, з'яўляючыся аб'ектамі палявання. З ліку друкаваных прац М.С.Долбіка, што ўбачылі свет у 1958–1966 гадах, 15 прысвечаны паляўнічым відам, найбольш – глушцу і цецеруку. Адна з адметных тэм гэтых публікацый –спробы выкарыстання тэхнічных сродкаў да вывучэння біялогіі птушак. М.С.Долбік быў адным з першых арнітолагаў на тэрыторыі былога СССР, хто стаў выкарыстоўваць спецыяльныя прыборы – датчыкі, – для вывучэння рэжыму наседжвання кладкі ў птушак.

У першай палове 60-х гадоў на парадак дня паўстала пытанне аб стварэнні фундаментальных зводных прац па фауне Беларусі. Арнітафауна рэспублікі да гэтага часу аказалася вывучанай даволі добра і ўключала 286 відаў. Гэта дазволіла М.С.Долбіку разам са старэйшым даследчыкам прыроды нашага краю, прафесарам А.У. Фядзюшыным напісаць кнігу «Птушкі Беларусі», якая выйшла ў 1967 годзе і па сённяшні дзень не страціла сваей значнасці. Гэта выданне сканцэнтравала ў сабе ўсю інфармацыю, якая была сабрана на той час па фаўне, распаўсюджанні і біялогіі птушак у межах рэспублікі.

60-я гады сталі перыядам пачатку яшчэ аднаго накірунку даследчых работ – планавага вывучэння міграцый птушак на тэрыторыі Беларусі. То затухаючы, то набіраючы новы стымул, гэтыя работы працягваюцца беларускімі арнітолагамі па сённяшні дзень. Ля вытокаў жа іх якраз і стаялі першыя спробы сістэматычнага назірання за пралётам птушак у некалькіх геаграфічных пунктах Беларусі, арганізаваныя і праводзімыя пры непасрэдным удзеле М.С.Долбіка і яго супрацоўнікаў.

У гэты ж перыяд назіралася канцэнт-

рацыя навуковых даследаванняў у накірунку вывучэння ўзаемасувязей жывёльнага і расліннага свету з геаграфічнымі характарыстыкамі пэўнай мясцовасці - фарміраваўся раздзел навукі, які пазней атрымае назву ландшафтнай экалогіі. Менавіта спробай сістэматызацыі арніталагічных матэрыялаў у гэтым аспекце стала доктарская дысертацыя М.С. Долбіка «Экалогія і геаграфія арнітакомплексаў Беларусі», якую ён паспяхова абараніў у 1972 годзе, а праз два гады выдаў як асобную кнігу «Ландшафтная структура арнітафауны Беларусі». Сёння, больш як праз 30 год, некаторыя палажэнні, сфармуляваныя ў гэтай кнізе, падаюцца часам некалькі спрошчанымі, а то і недастаткова абгрунтаванымі. Аднак трэба ўлічваць, што пісалася яна ў час, калі гэты навуковы накірунак толькі фарміраваўся, і шмат з таго, што сёння лічыцца агульнавядомым, тады яшчэ толькі знаходзіла падцверджанне.

Пасля абароны доктарскай дысертацыі М.С.Долбік узначаліў лабараторыю экалогіі наземных пазваночных у Інстытуце заалогіі Акадэміі навук. Ядро лабараторыі склаў калектыў арнітолагаў — Ю.А. Вязовіч, Р.К. Кажэўнікава, Р.Ю. Тарлецкая, Т.Я.Паўлюшчык, пазней таксама А.А. Парэйка, А.М. Іванюценка, М.Я. Нікіфараў, Б.В. Ямінскі, А.В. Казулін і іншыя. Ландшафтны накірунак даследаванняў заставаўся вызначальным і у гэты перыяд, прычым асаблівая ўвага надавалася вывучэнню птушак культурнага ландшафта. Менавіта ў гэты час асабліва востра паўстаюць пытанні аховы птушак, асабліва відаў, што знаходзяцца пад пагрозай знікнення. Дадатковы стымул гэта тэматыка набывае ў сувязі з падрыхтоўкай «Чырвонай кнігі Беларускай ССР», першае выданне якой убачыла свет у 1981 годзе. Аўтарам і рэдактарам арніталагічнай часткі гэтай кнігі быў М.С.Долбік.

Трэба адзначыць, што актыўная прапаганда ідэй аховы прыроды была адным з асноўных накірункаў дзейнасці М.С.Долбіка на працягу ўсяго жыцця. Ім былі выдадзены некалькі навукова-папулярных кніг гэтай тэматыкі, у тым ліку «Рэдкія і знікаючыя птушкі Беларусі» (у сааўтарстве з А.М. Дарафеевым), напісаны дзесяткі артыкулаў у часопісах і газетах, зроблены шэраг выступленняў па радыё, на канферэнцыях і паседжаннях па гэтай праблеме.

М.С. Долбік працягваў працаваць загадчыкам лабараторыі і пасля дасягнення «пенсійнага» ўзросту — актыўна ўдзельнічаў у рэалізацыі планавай тэматыкі даследаванняў, пісаў навуковыя артыкулы. Зноў, праз працяглы час, вярнуўся да праблем інвентарызацыі арнітафауны Беларусі: сабраўшы і сістэматызаваўшы звесткі аб новых відах птушак, якія былі знойдзены на нашай тэрыторыі пасля выхаду ў свет кнігі «Птушкі Беларусі», у 1985 годзе надрукаваў у навуковым часопісе «Весці АН БССР» артыкул «Рэвізія саставу і размеркавання арнітафауны Беларусі».

Гэты ж перыяд жыцця М.С. Долбіка характэрызаваўся і яшчэ адным накірункам дзейнасці. У першай палове 80-х гадоў было створана Усесаюзнае арніталагічнае таварыства, а 29 сакавіка 1985 года, пасля праведзенай падрыхтоўчай работы, адбыўся ўстаноўчы з'езд яго Беларускага аддзялення. Крыху пажаўцелы здымак захаваў «групавы партрэт» удзельнікаў гэтага з'езду — 30 арнітолагаў рознага ўзросту з устаноў Мінска, Віцебска, Гомеля, Белавежскай пушчы, Прыпяцкага і Бярэзінскага запаведнікаў... У першым радзе ў цэнтры — М.С.Долбік. Менавіта ён быў у той дзень аднагалосна выбраны старшынёй рады аддзялення. Ужо праз год, на пачатку 1986 года, Беларускае аддзяленне таварыства налічвала 81 сябра, якія праводзілі значную работу па прапагандзе ведаў аб птушках і іх ахове і займаліся навуковымі даследаваннямі. М.С.Долбік заставаўся на пасадзе старшыні аддзялення да дня сваёй нечаканай смерці: яго сэрца раптам перастала біцца ў час пасяджэння вучонага савета Інстытута заалогіі Акадэміі навук Беларусі 18 лютага 1988 года...

Прайшло 18 год, як з намі няма М.С.Долбіка. Аднак многія з беларускіх арнітолагаў захавалі ў памяці вобраз гэтага чалавека. Якасцямі яго асобы былі дапытлівы розум,назіральнасць, мэтанакіраванасць. А яшчэ Міхаіл Сцяпанавіч быў смелым чалавекам, не баяўся на ўсіх узроўнях адстойваць сваю асабістую думку, нават калі яна ішла ўразрэз з «афіцыйнай» лініяй. Рамантык у душы, ён меў выдатны музычны слых, пісаў вершы і выдатна маляваў. У гады вайны, знаходзячыся ў партызанскім атрадзе, нават выпускаў насценгазеты і «баявыя лісткі», што з радасцю і цікавасцю ўспрымаліся ўсімі байцамі атрада. Калі адыдуць у нябыт людзі, што працавалі побач з М.С.Долбікам, дзялілі з ім радасці і нягоды сумесных экспедыцый, нашчадкам застануцца яго навуковыя працы — каля 200 кніг, артыкулаў і тэзісаў дакладаў аб птушках. Цэлае жыццё, аддадзенае птушкам і дзякуючы гэтаму — намнога больш доўгае і працяглае, чым адмерана звычайнаму чалавеку, бо навуковыя працы М.С.Долбіка яшчэ доўга будуць выклікаць цікавасць у арнітолагаў...



«From the History of Ornithology» section. Raisa Tarletskaya and Vasily Grychik write about the leading ornithologist of the XX century in Belarus - Dr. Mikhail Dolbik. Having participated in the war as a partisan, M.S.Dolbik graduated from the Belarusian State University's biologic faculty in 1948 and was directed to work as zoologist in the Academy of Sciences of the Byelorussian Soviet Socialistic Republic. As soon as in 1948, the 28-year-old scientist took part in the expedition on researching Pre-Paliessie. The monograph «Birds of Belarusian Paliessie» (1959) became the result of the 10-year ornithological research. In 1967, he published the book called «Birds of Byelorussia» together with professor A.V.Fedyushin which is still a citation source for every comprehensive research on Belarus birds. The All-Union Ornithological Society was created in 1983, and the foundation meeting of its Belarusian branch was held on March, 29, 1985. This organization was predecessor of APB-BirdLife Belarus. Dr. Mikhail Dolbik was unanimously elected as a Chairman of the branch. His heart suddenly stopped on February, 18, 1988 on the Board meeting of the Institute of Zoology. His whole life was devoted to birds.

КАЗКА ПРА КНІГАЎКУ

У чэрвені да Міхаські прыехала стрыечная сястра Алёнка. Яна жыве ў Маскве з бацькамі і лічыць сябе расіянкай.

Міхась любіць Алёнку. Яна кемлівая дзяўчынка і вялікая фантазёрка. З ёй заўсёды цікава. Раніцай дзед Рыгор ішоў на луг касіць траву і ўзяў малых з сабой.

Стаяла добрае надвор'е. Шчабяталі птушкі, радаваліся цяплу і сонейку. Сярод гэтага шчэбету дзеці раптам пачулі пытанне: «Чые вы? Чые вы?».

— Паглядзі! — закрычала Алёнка. — Гэта ж чыбіс, мы пра яго вучылі верш на ўроку рускай літаратуры. Ці ведаеш ты, чаму ён так завецца? Дык вось слухай. Калісьці гэтую птушку звалі Чы. Бачыш, якая яна прыгожая: брушка белае, галоўка і шыйка — чорныя, з сінім адценнем, спінка і грудка зеленаватыя. На галаве доўгі вузкі чубчык. Чы ўдзельнічала ў конкурсе прыгажосці і так усім спадабалася, што яе часта выклікалі на «біс»: «Чы, біс! Чы, біс!» Вось так і з'явілася назва гэтай птушкі.

Алёнка з усмешкай паглядзела на Міхаську.

— Не! Не! — крыкнуў хлопчык, якому захацелася дапоўніць сястру. — Гэта птушка мае назву кнігаўка. Бачыш, у гняздзечку ляжаць чатыры маленькія рабенькія яечкі. Калі з'явяцца птушаняты, маці будзе чытаць ім кнігу жыцця: як зберагчыся ад ворагаў, як навучыцца лятаць, знаходзіць насякомых. Клапатлівая маці ўсяму навучыць сваіх дзетак па кнізе жыцця. Таму і завецца Кнігаўка.

— Ах, вы мае фантазёры, — сказаў дзед Рыгор. — Якія добрыя гісторыі вы прыдумалі!

І ў гэты момант зноў раздалося: «Чые вы? Чые вы?».

— Ды свае мы, свае! — сказаў дзед Рыгор. — Жыві спакойна, птушачка, не зачэпім і мы цябе. Хадзем, дзеткі.

Міхась і Алёнка апошні раз зірнулі на Чыбіса-Кнігаўку і пабеглі насустрач солнцу, лету.

Аліна Румянцава, 12 гадоў,
Салігорск

***

СТАРАЯ СКАЗКА О ЧИБИСЕ

Это было очень давно. Еще в далекие времена, когда наша Белая Русь подвергалась набегам чужеземных кочевников. Жил тогда в одном селе человек по имени Чибис. Был он высок, крепок в плечах, белолиц, черноволос, носил прическу косичкой. Он пахал землю, растил пшеницу, чтобы прокормить семью. Но однажды черная сила налетела на мирных жителей, сожгла дома и увела в рабство много женщин и детей. В это время Чибиса не было дома, а когда он вернулся, то не нашел ни жены, ни детей, ни дома. Собрал он тогда оставшихся в живых соплеменников и стал держать речь.

— До коле, братцы, мы будем терпеть набеги? Давайте создадим дружину и будем охранять свой край!

Создали они дружину, а Чибиса избрали начальником стражи. Кузнецы выковали ему железные латы с зеленым и бронзово-медным отливом. А на ноги он надел вишнево-красные сапоги. День и ночь стоял он дружиной на страже, всех проходящих по дороге окликал вопросом: «Чьи вы будете?». А если появлялся враг, дружина вмиг атаковала неприятеля. Но сердце Чибиса страдало по любимой женщине и детям. Каждую зиму, когда дороги заносило снегом, он отправлялся в теплые страны к басурманам на поиски своих родных. Но, не найдя их, с первыми весенними днями возвращался домой.

И вот однажды подкараулили враги наших богатырей спящими и окружили их.

Завязалась неравная битва. Много пролилось крови. И погиб начальник стражи — Чибис. Но душа его превратилась в птицу, которую люди так и называют — Чибис.

И как прежде, птица Чибис несет придорожную службу, встречая всех проходящих хриплым голосом: «Чьи — и — вы?».

Расхаживает в вишнево-красных сапожках, в бронзово-зеленом оперении, а на затылке имеет тонкий хохолок из загнутых кверху черных косичек. И каждую зиму он так же улетает в теплые края. А потом, весной — возвращается.

Вот так Чибис стал символом мужества, любви и преданности Родине.

Ольга Барановская, 12 лет

КНІГАЎКА

Яшчэ снег ляжыць навокал,
Да цяпла яшчэ далёка.
Сонца трохі прыгравае,
Да нас птушка прылятае.

Сама чорная, з чубком,
З бялявым жыватком.
На балоце і ў вадзе,
Сустракае ўсіх, хто йдзе.

Гэта птушка не прастая,
На балоце вартавая.
На прагалінах палёў
Яна вітае жураўлёў.

Не ўцякае, не хаваецца,
Хто ні йдзе, то запытаецца:
— Чый ты? Чый ты? — прагалосіць,
— Нібы прабачэння просіць.

Святлана Драгун, 12 гадоў,
в. Дзембрава Шчучынскага раёна
Гродзенскай вобласці



2-е месца: Таццяна Джыганава, 15 гадоў (в.Дзераўная, Слонімскі р-н)

ПТУШКА ГОДА



1-е месца: Ганна Бучко, 14 гадоў (Мінск)



2-е месца:
Анатоль Хвілёў, 12 гадоў (Пінск)



2-е месца:
Дар'я Малышка, 15 гадоў (Смаргонь)



2-е месца: Вольга Емельянава, 10 гадоў (Ветка)



2-е месца: Іван Бучко, 15 гадоў (Мінск)



2-е месца:
Аляксандра Малышка, 16 гадоў (Смаргонь)



2-е месца: Анастасія Бежок, 9 гадоў (Мінск)



2-е месца: Алена Зуеўская, 11 гадоў (Мінск)













Нацыянальны парк «Браслаўскія азёры»

Здымкі Віталія КАШЧЭЕВА (Браслаў)